

АПОКРИФ НА ТРОИХ

«Уроки танцев для взрослых и продвинутых»,
Театр «Гуся на веревочке», Брно

Наталия Якубова

Гастроль

СТОИТ ЛИ пересказывать анекдот, если не можешь пересказать его слово в слово?

Никак не могу вспомнить, над чем мы, собственно, все так смеялись. Особенно усердствовали чехи, то и дело напрочь перекрывая своим хохотом русский перевод. Завистливо поглядывая на соотечественников Богумила Грабала, мы, аборигены, сильнее прижимали к себе наушники, дабы не пропустить отпущенную нам толику божественной мудрости.

Помню, как все это началось: дремлющий на лавочке под забором задрипанный старикашка был разбужен стрельбой черешневыми косточками, открытой по нему прекрасной соседкой. И, вдохновляемый ее любопытством, принялся травить анекдоты. Точнее, правдивейшие истории своей и не своей жизни. Щедро вываливал он перед слушательницей бесконечную грудку любовных похождения, изредка подбрасывая туда охапки дорожных впечатлений, солдатских присказней, советов по изготовлению хлеба, колбасы и пива, жутких случаев, толкований снов и интерпретаций сюжетов ветхой и новой истории. Самозабвенным апокрифом разливался перед нами высвобожденный поток сознания:

Помню, Он был не один: поток то и дело выносил на поверхность владеющих его воображением красавиц. Были тут робкие барышни из добропорядочных семейств и легко воспламеняющиеся швеи и кухарки, лихие завсегдатайки третьеразрядных кабаков и матерые светские львицы. И рядом с ними был Он — Он-молодой, меняющийся на наших глазах под воздействием объекта своих желаний: он был толкующим Платона философом рядом с циничной потаскушкой, а расстояние, отделяющее его от какой-нибудь мечтательной незнакомки, смело преодолевал при помощи идиотского анекдота.

Мелькали исторические эпохи, помеченные в сознании героя не избыточными приметами: война воплотилась в образ чувствительных медсестер, революция запомнилась случайным знакомством с красавицей еврейкой. Наводя порядок в безбрежном мессиве истории, герой объединял эпоху Марии-Терезии с эпохой спортивных парадов по одному, но самому главному для него признаку — моде на пышные бюсты.

Начисто отрицая идею прогресса, Он ностальгически вздыхал по жизни в Австро-Венгрии с ее празднично-театральным богатством форм, воплотившимся для него в лице безукоризненно-стойких железнодорожников, еще и сейчас с поистине имперским величием салютующих проносящемуся в глуши поезду. Лишь на мгновение смаривает их зрелище мелькающих огней, навевая на глаза сказочную дремоту — и вот снова они неустрашимо глядят в хромешную мглу перед собой...

Вот Он-молодой (И. Коларжик) замирает в мистическом благоговении перед непостижимой загадкой Вселенной, когда она, эта Вселенная, сказочно переменявшись — оттого, что скорый поезд разбрызгал кастриюлю с перловым супом, — поплыла куда-то, подернутая божественно-перловой пеленой... А через минуту Он-молодой — это уже ювелир, целящийся себе в руку. Впрочем, рука — это не рука, а бульдог, мертвой хваткой вцепившийся в загривок ювелиру...

Сцена из спектакля. Он — П. Затлоукал.

Фото Й. Крадохвил.

Несущаяся опрометью жизнь увидена невозмутимым, ко всему готовым взглядом снизу.

«Мир прекрасен!» — вопит наш герой, вспомнив очередное свое приключение.

Потом, подумав, добавляет: «Нет, ну на самом деле он, конечно, не прекрасен. Но я его таким вижу».

Немного, опомнившись, понимаешь, что стоит еще раз отправиться на «Уроки танцев». Чтобы, насильственно останавливая поток образов, попытаться запечатлеть в памяти отдельные виртуозные па.

Вот Он (П. Затлоукал) — это уже не вполне Он, но еще и девица со стеклянным глазом, глаз этот обронившая и рыскающая рукой по полу, чтоб затем, протерев о кофту, водворить его на место. Вот Он — это еще и священник, во время мессы дубасящий своего капеллана, еще и сам этот надравшийся мятного ликера капеллан, еще и удивленные бабы, принимающие всю процедуру за усовершенствование канонического обряда.

Вот Она (И. Жачкова) — это уже не соседская девчонка, а манерная салонная хищница; а вот из салона мы перемещаемся в ресторан, где лихая любительница танго, споткнувшись, встает уже другой любительницей, менее удачливой — той самой разнесчастной девицей, у которой при подобном кульбите стекло очков прочно заехало в переносицу...

Нет, не стоит пересказывать анекдот, если не можешь пересказать его слово в слово. Не стоит и пытаться пригвоздить к бумаге виртуозную хореографию. Уроки танцев нужно посещать самим. Особенно если их дает режиссер Иво Кробот со своим «Гусем на веревочке».

Турне театра из Брно, объезжающего со своим спектаклем пределы Российской и Австро-Венгерской империй, приурочены к 80-летию всемирно известного писателя Богумила Грабала. В Москве гастроль были организованы Чешским культурным центром при поддержке Театра имени Моссавета.)